УДК 81.271

DOI: 10.31029/vestiyali21/3

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ КЛАССА В ЮЖНОЛЕЗГИНСКИХ И ЗАПАДНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

М. О. Ибрагимова

*Институт языка, литературы и искусства им Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

В статье сформулированы общие положения, явившиеся результатом анализа динамики развития категории класса в будухском, крызском языках, составляющих южнолезгинскую подгруппу, и рутульском и цахурском языках, составляющих западнолезгинскую подгруппу лезгинской группы северокавказской языковой семьи, с целью выяснения диахронических сценариев и перспектив развития в них категории класса.

Ключевые слова: будухский язык, крызский язык, рутульский язык, цахурский язык, категория класса, лезгинские языки.

The article sets out the general provisions resulting from the analysis of the dynamics of class categories in the Budukh, Kryz languages – components of the South Lezghin subgroup, and the Rutul and Tsakhur languages – components of the West Lezghin subgroup of the Lezghin group of the North Caucasian language family with the aim of clarifying the diachronic scenarios and prospects of development of the category class.

Key words: the Budukh language, the Kryz language, the Rutul language, the Tsakhur language, class category, the Lezghin languages.

Выяснение диахронических сценариев развития категории класса в южнолезгинских (будухском и крызском) и западнолезгинских (рутульском и цахурском) языках с учетом общедагестанских и общелезгинских языковых сценариев ее возникновения и функционирования – сложная задача, предполагающая сравнительно-исторический анализ исследуемых языковых единиц, что и было предпринято исследователями нахско-дагестанских языков С. М. Хайдаковым [10], М. Е. Алексеевым [1], Г. А. Климовым [6] и др.

При анализе языкового материала применялись описательный и сравнительно-исторический методы, позволяющие исследовать и сравнить факты четырех языков лезгинской группы северокавказской семьи и выявить перспективы развития в них категории класса.

Кавказоведы полагают, что классные системы в дагестанских языках в прошлом функционировали на основе именного класса, т. е. маркеры класса включались в структуру имен существительных, а согласующиеся части речи повторяли этот классный маркер. По мнению М. Е. Алексеева [2, с. 204–205], А. С. Чикобавы [12, с. 337], С. М. Хайдакова [10, с. 119] и др., утрата компонентов именной классификации способствовала переходу к имплицитному способу передачи категории именного класса существительных. При этом утрата классных маркеров существительных не сопровождалась распадом согласовательной системы, которая продолжает функционировать в рамках морфологической категории числа [10, с. 119].

© М. О. Ибрагимова, 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

Опираясь на диахронические исследования грамматики нахско-дагестанских языков, Г. А. Климов делает предположение, «что древнейшая классная оппозиция в нахско-дагестанских языках, сводившаяся к противопоставлению классов одушевленных и неодушевленных, смещавшегося к различению разумных и неразумных (т. е. человека и вещей), в дальнейшем должна была осложниться разделением класса разумных на класс мужчин и женщин, что результировало на каком-то этапе в характерной и для ряда современных языков четырехклассной системе» [6, с. 104].

Признано, что распределение лексем по классам осуществлялось на основе общности семантических признаков (одного или нескольких) лексем, относящихся к одному классу. Исходная классификация на класс людей и класс вещей сохранилась в табасаранском языке, на следующем этапе класс людей дифференцировался на класс мужчин и класс женщин, остальные реалии были отнесены к III классу (аварский, даргинский языки), далее были предприняты попытки дифференцировать имена существительные III класса на основании признака одушевленности/неодушевленности (в рутульском, цахурском, крызском, будухском, хиналугском, лакском языках), но разграничения по этому принципу не последовательны, III и IV классы в этих языках семантически неоднородны, в некоторых дагестанских языках (или их диалектах) выявляется более четырех классов (бежтинский, хваршинский), дифференцированы они по менее существенным семантическим признакам [8, с. 67].

Предшествование двухклассной именной классификации верифицируется некоторыми фактами языков с четырехклассными системами: так, в рутульском языке следы двухклассной системы проявляются в оппозиции суффиксального оформления атрибутивных имен в ихрекском диалекте, в котором суффиксы I, II и III противопоставляются суффиксу IV класса. При склонении имен существительных множественного числа формы плюралиса I, II и III классов присоединяют детерминатив косвенной основы *-и-*, формы плюралиса IV класса – детерминатив *-м-*.

Установление трехклассной системы в статье М. Ч. Чеерчиева объясняется следующими причинами: «Такая динамика развития грамматического класса представляется справедливой, так как первоначально слова должны были дифференцироваться в зависимости от социальной значимости обозначаемых ими объектов: понятие «человек» противопоставлялось всему остальному; далее внутри понятия «человек» происходит дифференциация на более и менее социально значимый человек и т. д.» [11, с. 116].

Динамика изменения представлений о субъекте, объекте в соответствии со степенью его социальной значимости наблюдается и в исследуемых нами языках: так, в будухском языке социально значимая женщина включена во второй класс, менее значимая – в третий, кроме того, допускается использование маркеров III класса при характеристике отсутствующей женщины.

В рутульском языке наименования представительниц женского пола могут согласовываться с мишенями III класса, говоря о них пренебрежительно (как в их присутствии, так и в отсутствие).

В частности, в аварском языке слово *льимер* «дитя, ребенок» не относится ни к первому, ни ко второму классу, так как естественный пол обозначаемого существа в осознании говорящих еще не определен, почему это слово и соотносится с III классом. Например: *АхIмадие льимер гьабун буго* «У Ахмеда родился ребенок» (буквально: Ахмеду ребенок сделано есть). В то же время: *АхIмадие вас гьавун вуго* «У Ахмеда родился мальчик». Здесь слово *льимер* «дитя» требует при себе глагол в форме третьего класса, слово же *вас* «мальчик, сын» – в форме первого класса [11, с. 118].

В рутульском языке слово *хыных* «ребенок» может согласовываться с глаголами I, II и III классов:

Заур хыных йиъи.

Заур-ABS ребенок-ABS I-есть.PRES

Мадина хыных риъи.

Мадина-ABS ребенок-ABS II-есть.PRES

Если пол ребенка неизвестен, употребляют форму I класса (которая в ед. числе идентична форме IV класса).

Хыле хад хыных ешере а.

Рука-INES/INLAT находящийся-PART ребенок-ABS I-плача есть.PRES

Аналогичная ситуация сложилась с цахурской лексемой *кулфат* «семья, ребенок», которая семантически соотносится и с мужским, и с женским полом, но в словаре [4, с. 196] отнесена к IV классу по причине формального совпадения в цахурском языке маркеров I и IV класса, однако при согласовании в форме множественного числа в глаголах выявляется маркер класса личности:

кулфат во-д-он

ребенок-ABS <I/IV>есть-PRES.SG

ребенок есть

кулфатбы во-б-онбы

ребенок-ABS.PL <I, II>есть-PRES.PL

дети есть

Интересно предположение С. М. Махмудовой о возможности первоначального вычленения в рутульском языке класса женщин, затем – класса животных и более позднем разделении класса мужчин и класса предметов. Гипотеза автором мотивирована выводом «об имевшем место на каком-то историческом отрезке матриархате» [7, с. 13–14].

Подтверждения этой гипотезе мы не находим: возможно, автора натолкнула на эту мысль частотность формального совпадения маркеров I и IV классов в рутульском языке. Семантические особенности соотношения имен существительных с определенным классом, напротив, опровергают эту гипотезу, так как в рутульском и других исследуемых нами в рамках научной статьи языках лексемы, обозначающие мужчин, не включаются в категорию класса нелюдей (неразумных существ), тогда как лексемы, обозначающие женщин, в определенном контексте могут согласовываться с глаголами III классов. В крызском языке маркеры II и III классов глагола и числительных единственного числа аналогичны, что не является нормой для других дагестанских языков.

Первичное обособление в рутульском языке класса мужчин, значимое для формирования категории личности / неличности, доказывается и некоторыми противопоставлениями форм I класса формам других классов, в частности противопоставлением падежных форм возвратного местоимения *выдж/выж* «сам» в диалектах рутульского языка:

Мухадский диалект

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
Ном.	выдж «сам»	ридж	видж	йидж
Эрг.	джу	джи	джи	джи
Ген.	джуды	джиды	джиды	джиды
Дат.	джус	джис	джис	джис

Мюхрекский диалект

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
Ном.	выж «сам»	риж	виж	йиж
Эрг.	джур	джир	джир	джир
Ген.	джуды	джиды	джиды	джиды
Дат.	джус	джис	джис	джис

Кроме того, в ихрекском диалекте косвенную основу субстантивов единственного числа I и II кл. оформляет детерминатив *-ну*, противопоставленный детерминативу *-ни* субстантивов III и IV классов, что в целом не является нормой для рутульского языка [5, с. 124]:

Ихрекский диалект

	I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном.	<i>гъыхды</i> «хороший»	<i>рыхды</i>	<i>выхды</i>	<i>гъыхды</i>
Эрг.	<i>гъых-ну-ра</i>	<i>рых-ни-ра</i>	<i>вых-ни-ра</i>	<i>гъых-ни-ра</i>
Ген.	<i>гъых-ну-ды/-д</i>	<i>рых-ни-ды/-д</i>	<i>вых-ни-ды/-д</i>	<i>гъых-ни-ды/-д</i>
Дат.	<i>гъых-ну-с</i>	<i>рых-ни-с</i>	<i>вых-ни-с</i>	<i>гъых-ни-с</i>

Процесс формирования категории личности путем вычленения из состава одушевленных имен класса мужчин, а затем и класса женщин происходил в исследуемых нами южно- и западнолезгинских языках неравномерно:

- в рутульском и цахурском языках этот процесс завершен (за редким исключением лексем-контролеров, обозначающих женщин, способных согласовываться с мишенями в форме III класса);

- в будухском языке класс мужчин сформирован полностью, а класс женщин не полностью отделен от класса животных: лексем-контролеры, обозначающие незамужних девушек, девочек, женщин без статуса в социуме, согласовываются с мишенями в форме III класса;

- в крызском языке также класс мужчин сформирован полностью, классы женщин и животных в единственном числе оформляются одинаковыми маркерами.

Более последовательным является распределение лексем будухского, крызского, рутульского, цахурского языков в соответствии с категорией личности/неличности во множественном числе: формы I, II классов противопоставляются формам III и IV классов.

Прогнозируя перспективу развития грамматики нахско-дагестанских языков, Г. А. Климов констатирует происходящий в языках процесс «постепенного затухания классной системы» [6, с. 104]. Положение о постепенной нейтрализации классов верифицировано наличием языков, изживших классную систему, «затемненностью семантического критерия классного распределения субстантивов», наличием во многих языках прилагательных и глаголов, лишенных классного согласования [Там же].

Г. Х. Ибрагимов полагал, что в рутульском языке «смещение в распределении названий одушевленных существ и вещей в III и IV именных классах связано прежде всего с распадом IV класса» [3, с. 265]. Отнесение некоторых названий одушевленных существ к IV классу он считал инновацией [Там же].

Одним из признаков тенденции к нейтрализации категории класса Г. Х. Ибрагимов считал параллельное употребление в рутульском языке «распределительных числительных как с классным распределением, так и без классного согласования» [3, с. 260].

О процессе ослабления категории грамматических классов в дагестанских языках писал и Б. Б. Талибов, подтверждая это материалом будухского языка и отмечая, что «особенно наглядно это заметно в глаголе» [9, с. 186].

Обзор работ, в которых прогнозируются сценарии развития лексико-грамматической категории класса в дагестанских языках, и анализ фактического материала южнолезгинских

и западнолезгинских языков с четырехклассными системами позволяют сделать заключение о затухании в них этой категории, проявляющемся в нарушении семантического критерия при распределении существительных класса неличности между III и IV классами; в неравномерности процесса формирования категории личности в южнолезгинских языках (вычленение из состава одушевленных имен класса мужчин завершено, класс женщин окончательно не сформирован); в параллельном употреблении некоторых частей речи с маркерами класса и без них; в полисемантической некоторых маркеров, являющихся одновременно показателями класса/числа, класса / числа косвенной основы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев М. Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1985. 158 с.
2. *Алексеев М. Е.* Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М.: Academia, 2003. 264 с.
3. *Ибрагимов Г. Х.* Рутульский язык. Синхрония и диахрония. Махачкала, 2004. 307 с.
4. *Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М.* Цахурско-русский словарь. Махачкала, 2010. 532 с.
5. *Ибрагимова М. О.* Категория падежа и морфология склонения в рутульском языке: диалектная стратификация. Махачкала: АЛЕФ; ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2019. 220 с.
6. *Климов Г. А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 208 с.
7. *Махмудова С. М.* Морфология рутульского языка. М.: Сов. писатель, 2001. 256 с.
8. Структурные общности кавказских языков. М.: Наука, 1978. 132 с.
9. *Талибов Б. Б.* Будухский язык. М.: Academia, 2007. 304 с.
10. *Хайдаков С. М.* Принципы именной классификации в дагестанских языках. М.: Наука. 1980. 251 с.
11. *Чеерчиев М. Ч.* Категория грамматического класса в дагестанских языках и грамматического рода в русском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала: ДГПУ, 2012. № 2. С. 116–122.
12. *Чикобава А. С.* К вопросу о процессах нейтрализации и дифференциации (спецификации) грамматических классов в дагестанских и нахских языках // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С. 334–342.

СОКРАЩЕНИЯ

ABS – абсолютив
INES/INLAT – инэссив/инлатив
PART – причастие
PL – множественное число
PRES – настоящее время
Sg – единственное число
I, II, III, IV – номер класса

Поступила в редакцию
12.02.2020.

Ибрагимова Мариза Оглановна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: mariza71@mail.ru

Ibragimova Mariza Oglanovna, Doctor of Philology, leading research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: mariza71@mail.ru